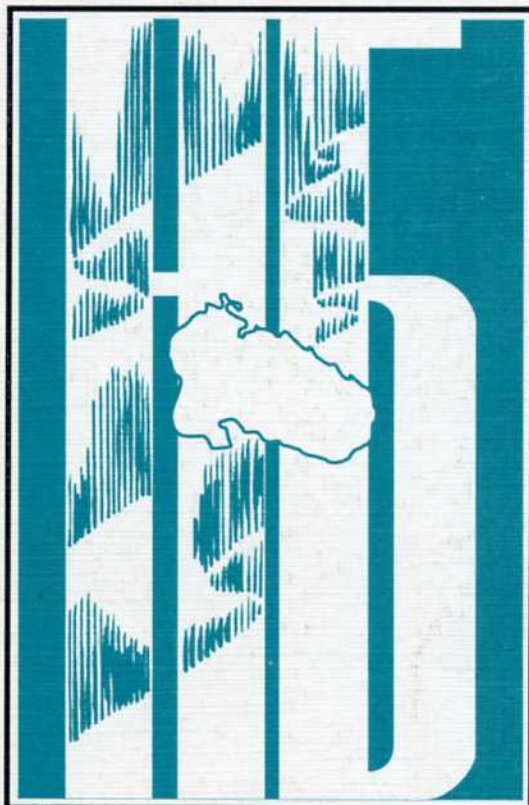

2 2006
АПРЕЛЬ

ISSN 1684-7466

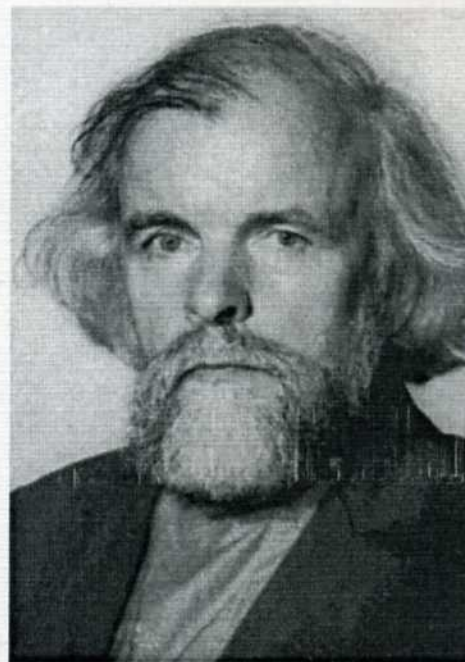
НАУЧНО-
ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

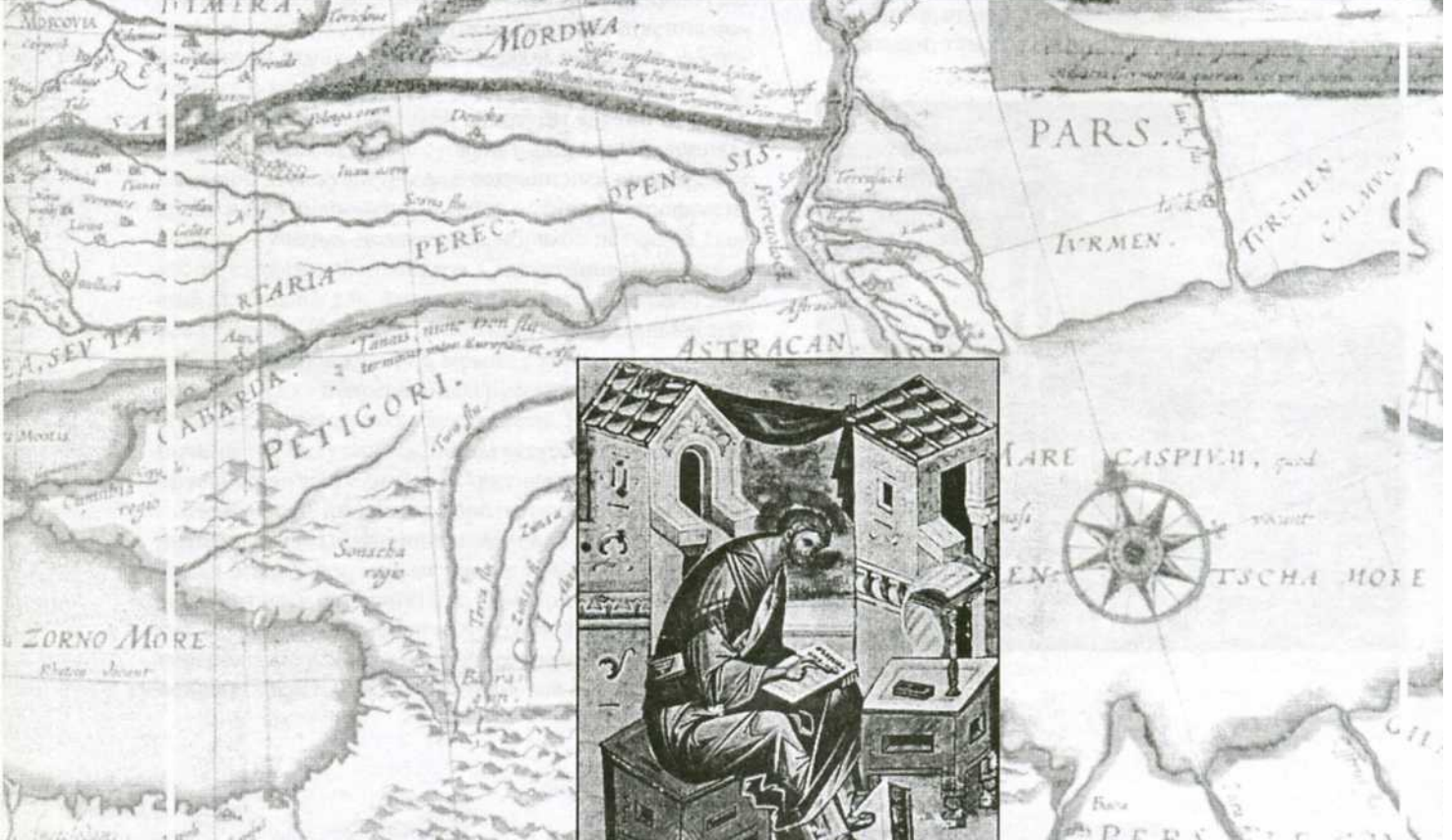

СЕРИЯ
ДУХОВНАЯ
ПРАКТИКА

Д. М. Балашов:
историческая
память

НАУКА
И
БИЗНЕС
НА МУРМАНЕ

- ◁ Верхние ил. на стр. 12:
«Невская битва»,
«Жатва. Житие пророка Елисея»,
«Стояние на реке Угре. Хан Ахмед
отступает»

- ◁ Нижняя ил. на стр. 12
«Летописец склонился над книгой»
Рисунок XV века

Дмитрий Михайлович Балашов как «исторический воспитатель» русского народа

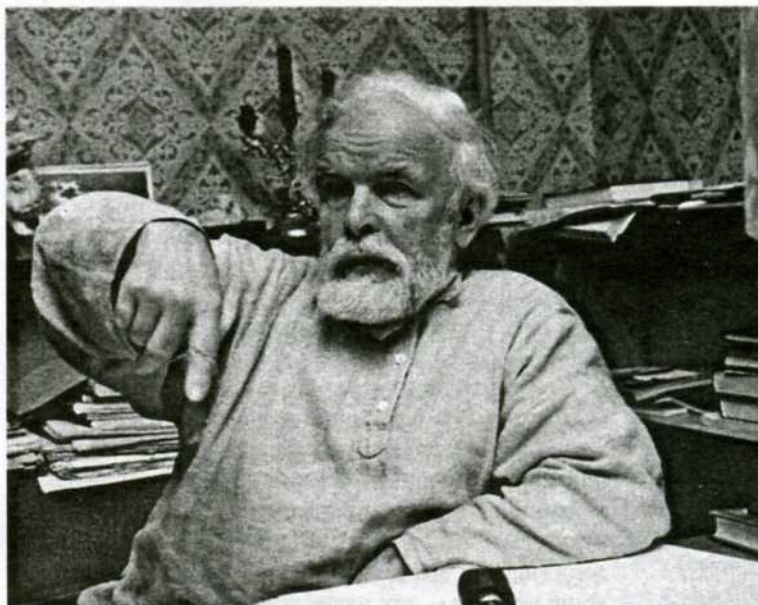
А. И. Субетто

Уверуй, что все было незря.
В. М. Шукшин

1

Дмитрий Михайлович Балашов, которому бы исполнилось 77 лет, если бы не его трагическая смерть, оборвавшая его творческую жизнь 4 года назад, является не только великим писателем, но и великим воспитателем народа, в первую очередь русского народа, причем «воспитателем через историю», через восстановление исторической памяти русского народа и каждого русского человека, — «историческим воспитателем».

Понятие «исторический воспитатель» звучит, может быть, необычно. Но я в него вкладываю определенное содержание: «исторический воспитатель» — человек или коллектив, воспитывающий каждого человека и народ с помощью приобщения к «памяти Истории» и через саму историю. Нужно всегда помнить, что только История, только историческая память служат тем исходным основанием становления достоинства человека и народа, без которого они бы-

тро маргинализируются, обречены на исчезновение, на превращение в «пыль истории».

Павел Александрович Флоренский в одном из писем Владимиру Ивановичу Вернадскому вводит понятие «корневого человека», т. е. человека, укорененного в родных, национальных культуре и истории, в генеалогии своих предков. Без «воспитания через историю и с помощью истории», через приобщение к героике и духовному подвигу своих предков, без чувств гордости за историю, какой бы трагической она не была, «корневой человек» не может состояться.

А не «корневых людей» и «корневых народов» не бывает. Народ тогда становится народом, когда он обретает свою историю и историческую память.

2

Дмитрий Михайлович Балашов есть исторический воспитатель народа в том высоком значении этого понятия, которое, может быть, и делает его писателем национального масштаба, делает классиком русской литературы XX века. Вот он в романе «Воля и власть», посвященном сложному времени на перевале XIV и XV веков, размышляет вместе с князем Московской Руси Василием над исторической судьбой Руси-России. Здесь уже писатель становится самой Историей, ее Духом. У него возникает мысль о наличии какой-то логики в Истории Руси-России, неведомой конкретному историческому деятелю и предстающей перед его умом Предопределенностью! *«Есть что-то предопределенное, символическое в том, что Михаил Александрович Тверской, последний великий противник Московского княжеского дома, умер в том же 1400 году, когда, с разгромом Витовта, завершился первый период собирания Руси Московской, точнее сказать, была создана та система устройства и наследования власти, которая, худо ли, хорошо, со всеми неизбежными историческими срывами, позволила маленькому лесному московскому княжеству объединить, совокупить и создать великую страну, великую Русскую империю, перенявшую наследство монгольской державы Чингизидов и вставшую в веках вровень с величайшими мировыми империями — Римом и Византией, прямо наследницею которой, “Третьим Римом”, и стала считать себя со временем Московская Русь. Но до того, до осознания этой гордой истины, должно было пройти еще целое столетие, столетие славы и бед, подвигов и крушений, весь сложный пятнадцатый век...» [2] (выдел. мною. — С. А.).*

История есть познание, вечное познание истины и смысла своего бытия народом, и, следовательно, своего предназначения, которое мы называем национальной идеей. История есть постоянно происходящий процесс самоидентификации народа, своей культуры и своего языка, постоянный процесс становления народа, его человечности и его человека. Настоящий человек — это человек народа. Поэтому насто-

ящий писатель есть изначально человек народа, т. е. «корневой человек», и только в этом качестве он становится историческим воспитателем народа. Дмитрий Михайлович Балашов был таким — и настоящим человеком, и настоящим писателем. Он был русским писателем во всей полноте этого понятия, а потому и «историческим воспитателем русского народа».

3

В последние годы в «Непрощеных мыслях» я обозначил проблему становления «философии памяти» и предпринял ряд шагов к ее раскрытию. «Бессознательное» каждого человека и каждого народа может быть определено как их эволюционная память. Прогрессивная эволюция, история как прогрессивная социальная эволюция, есть эволюция, запоминающая самую себя, есть «вразумляющаяся» эволюция. И «бессознательное» «человека народа», как и «народа в целом», несет в себе эту память. «Человек без памяти», «народ без памяти» — это не человек и не народ, это крах человека и крах народа, это их смерть.

Поэтому духовно-информационная война, любая война такого рода, есть война против Памяти. Развернувшаяся духовно-информационная война против России, которая ведется с целью разрушения культуры, нравственных оснований русского народа со стороны США и которую еще 60 лет назад проманифестировал Ален Даллес, есть война против Памяти русского народа и русского человека. Убить эту Память значит убить Историю народа, значит убить сам народ.

Дмитрий Михайлович Балашов осознавал это, более того, осознал это очень рано, осознал как русский человек — и как писатель, и как ученый, осознал как свою миссию, которую он постоянно выполнял, которую он пронес через всю свою творческую жизнь, как знамя, как боевой стяг.

Воспитание есть «вос-питание», т. е. воспроизводящееся «духовное питание или кормление». Оно всегда выполняет функцию обеспечения наследования памяти, Духа народа, его исторического опыта через культуру, которая по внутренней своей сущности есть социально-духовная память. «Историческое воспитание», таким образом, предстает как постоянно длящееся само воспитание народа, проходящее через всю историю и с помощью истории, а следовательно, через культуру и литературу, которая есть культура слова. Писатель тогда становится «историческим воспитателем», когда он восстанавливает своим творчеством эту историческую память, транслирует ее своим творчеством, своим словом, и, следовательно, воспитывает народ и человека в высшем смысле понятия «воспитание».

4

Смысл жизни и каждого русского человека, и русского писателя — в этой передаче от поколения к поколению русских людей правды, ценностей справед-

М. И. Авиллов. Поединок на Куликовом поле

ливости, соборности, единения русского народа и всех народов России.

В диалоге с Владимиром Бондаренко, незадолго до своей гибели, Дмитрий Михайлович говорил: «Да, при жизни нам так часто важны материальные заботы и даже ту половинчатую мысль, что не единым хлебом жив человек, мы зачастую не приемлем или приемлем с трудом, но после смерти, что же остается от нас? И чем помнятся нам минувшие столетия, ушедшие поколения? Лишь сокровища духа, деяния, созидающие народ, остаются единственной ценностью, способной избежать забвения. Но величие деяний в большой мере зависит от общего подъема народа, от нравственной способности понять эти деяния, пойти за ними. Еще задолго до Сергия Радонежского с пламенными речами во Владимире выступал талантливый проповедник Серапион. Но за Серапионом не было еще кому идти, а за Сергием Радонежским вставала вся нарождающаяся Московская Русь... Весь XIV век можно назвать временем собирания нации, духовного взлета, пламенного натиска. И разрешился этот век в 1380 году полем Куликовым» [7].

Василий Макарович Шукшин одну из центральных идей своего литературного, кинорежиссерского и актерского (в кино) творчества определил как «собирающие русского человека». *Д. М. Балашов всеми своими историко-литературными циклами — «новгородским» и «московским» — выполнял такую миссию по «собираению русского человека» через «собираение» его исторической памяти.* Так, например, обращаясь к историческому значению Куликовской битвы, писатель подчеркивал: «...на Куликовом поле не бой был выигран и не Орда поражена, на Куликовом поле из шестисотлетнего “далека” начался тот процесс, который привел к созданию величайшего на шестую

часть населенной суши государства, строй и склад которого, пожалуй, не имел аналогов в мировой истории» [7]. Так и хочется после этой миссии Балашова произнести знаменитые шукшинские слова: «Уверуй, что все было незря».

История — это страницы судьбы государства, народа, человека. Человек возвышается историей своего народа, он обретает в ней и через нее смысл настоящего и будущего. Целый роман Дмитрия Михайловича так и носит метафорическое название «Ветер времени» [3]. «Дует ветер. Проходят века. Никнут и восстают народы. Меняется лик земли. И только гусиное (железное, тростниковое ли) перо летописца дерзает удержаться на ветхих страницах харатий приметы текущего вихря, исчезающего в небытии. Трудись, летописец! Ветер времени листает страницы судьбы» [3].

5

Со страниц романов писателя встает главный герой — русский человек — воин, землепашец, строитель, пастырь, купец, художник, постоянно созидающий русское государство, свою семью, будущее и страны, и своих потомков. «Мужество воина, одержимость художника, дерзость купца, тяжелое упорство пахаря, незримый и повседневный героизм женщины — жены, без которого не стоят мир и все сущее в нем... Трудно назвать иначе, как творением божьим, ту *энергию*, которая дает силу жить, любить, созидать и верить в чудо преображения сущего, которая волшебным и властно раздвигает века и пространства, открывая духовному взору далекие причины и грозные следствия нашего ежедневного бытия, позволяет заглянуть за грань ежедневного, отринуть близкое для дальних и великих целей... Ибо жизнь человека — это жизнь листа на древе...» [4]. «Дере-

во» — образ народа в его непрерывном историческом бытии, поколения людей — это листья дерева, постоянно обновляемая и благодаря обновлению которой «дерево-народ» и живет.

Ренат Харрис — советский татарский поэт — написал прекрасное стихотворение «Листок» [10], подкрепляющее этот великолепный образ Дмитрия Михайловича. Привожу его полностью:

И все же дерево — река,
нацеленная в облака!
Загадочен природы лик!
Но в каждом дереве от веку
Есть то, что любо человеку,
Течет, вздымаясь, море в реку,
Река — в ручей,
Ручей — в родник.

А виноват один листок,
Что реки,
Подчиняясь слепо,
Текут — как это ни нелепо! —
Не только вспять,
Но даже в небо!..
Листок!
Ищите в нем исток!

Я — лист!
В подоблачную высь
Я веткой вознесен, как знамя.
Я
деревом
считаю жизнь —
с его стволом,
с его корнями.

Все связано одной судьбой,
Одной зеленою цепочкой.
Тяну я к солнцу за собой
Набухшую дождями почку.

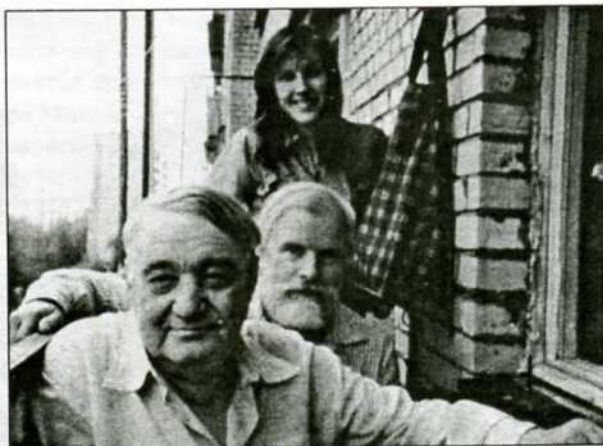
Пускай она совсем мала,
Но рядом
Трудятся другие —
И, ветки вознеся тугие,
Все выше
Голова ствола!..

Повторим вслед за Балашовым: «жизнь человека — это жизнь листа на дереве», но этот «лист на дереве» — дерево истории народа — исток, начало начал («Листок! Ищите в нем исток!»).

6

Дмитрий Михайлович Балашов не просто писатель и историк, ученик Льва Николаевича Гумилева (а он действительно его научный ученик не только по учению об этносе и этногенезе, но и учению по философии евразийства), но именно писатель и философ истории Руси-России.

У Льва Николаевича Гумилева имеется образ «линз», с помощью которых историк-наблюдатель анализирует течение времени истории, по-разному раскрывает хронотоп — пространственно-временной континуум истории. Короткофокусная линза обеспечивает рассмотрение деталей (своеобразную историческую бли-

Дмитрий Балашов с Львом Николаевичем Гумилевым

зурокость), на фоне которых из поля зрения историка выпадают длиннопериодные исторические тенденции. И наоборот, длиннофокусная линза формирует историческую дальнзоркость (подобно зрению орла), благодаря которой более четко проглядывают тенденции и закономерности длинных волн истории, но зато размываются, пропадают исторические детали, короткопериодные исторические процессы. Дмитрий Михайлович виртуозно владеет этим приемом. Если герои его живут в конкретном историческом времени, вынуждены действовать в историческом пространстве конкретных условий и обстоятельств, то писатель предстает тоже своеобразным героем своих романов — героем-наблюдателем, более того, героем-сверхнаблюдателем, «парящим» над историческим временем Руси-России, он становится проводником «сознательного» и «бессознательного» русской истории. «...доходили смутные вести, что разбитый татарами Витовт готов заключить новый союз с Ягайлой, отдающий в грядущем великую Литву в руки польского короля (выдел. мною; мое замечание: «отдающий в грядущем великую Литву в руки польского короля» — в этой авторской реминисценции, виолетной в саму ткань размышлений московского князя Василия, — весь Дмитрий Михайлович Балашов — герой-наблюдатель своих романов, он же и писатель, но он же и наблюдатель истории Руси-России, незримо присутствующий в самом историческом пространстве действия героев романа. — А. С.). Вот тебе и все высокие речи тестя, вот те и все хитрые вымыслы Витовтовы, надежды на то, что его, Васильевы, дети учнут княжить в Литве, благодаря чему он и разрешил захватить Смоленск, не помог Рязанскому князю, оттянувши его от Любутска, и позволить затем Витовту разорить всю Рязанскую землю, по сути порушив тем самым старый московский договор с Рязанью, еще великим Сергием заключенный! Особенно стыдная измена, ибо за Федором, сыном Олега Рязанского, была замужем его, Василия, родная сестра!» [1]. Писатель сразу вводит читателя не только в среду личностных отношений,

но и в пространство исторических деяний XV века, которые определяют и историческую судьбу Руси-России, ее будущее и будущее ее сопредельных государств. Вот в другом месте писатель восклицает: «Что мы без Сибири? И можно ли так, небрегая трагедией женки, угнанной в татарский полон, слезою дитячьей, пожарами городов и смертями ратников, судить и править о столетиях судьбы? Но и не судить, и не править, и не вглядываться в лик вечности — как?! Обречь ли себя на единые заботы сего дня, без загляда в передние и задние “полы времени”, как называл древний поэт?» [5].

7

Все романы писателя, особенно цикла «Государи Московские», — «Бремя власти», «Симеон Гордый», «Похвала Сергию», «Отречение», «Ветер времени», «Святая Русь», «Воля и власть», «Юрий» и др. — предстают как единое историко-литературное исследование и обобщение, причем самой переломной в истории Руси-России эпохи — XIV—XV веков. Прошлое для Дмитрия Михайловича — это не только цепь нравственных уроков русской истории, обращенной к читателю, но и база для прозрения будущего своей Родины.

Он пронизательно показывает, что рано или поздно любое «тайное» становится «явным» и терпит поражение от «сил бытия». *«Всякая тайная деятельность — до часу, — обращается к нам писатель. — До того, как пошевелиятся иные, множественные силы бытия. А тогда и является миру тцета тайных заговоров и скрытых зловещих сил. Обычно — зловещих! Ибо и правдолюбцы дерзают порою идти тем же путем тайного овладения властью, но так же точно не добиваются успеха и они. Пленный Левиафан ударяет хвостом, уходя в глубину, и сети рвутся, и упадают цепи разумного, и воцаряется хаос до нового духовного подъема бытия... Блажен, кто умеет встретить и переждать грядущую на него волну и угадать близкий просвет в тучах и луч истины, долженствующий осветить мятущуюся громаду стихии!»* [6] (выдел. мною. — А. С.). Это важный вывод философии истории по Балашову. «Веками, нет, тысячелетиями плетутся нити заговоров, вершатся тайные убийства, измены. Тысячелетиями создаются ложные концепции и учения, призванные подчинить, принизить, поработить народы» [6], но приходит час, когда свет правды Истории разгоняет тьму лжи и невежества и все тайные стратегии «избранных» рано или поздно опрокидываются народами — истинными творцами истории. Лев Николаевич Гумилев воспринял, как он сам определил, «странное учение», назвав его «Апокрифом». В нем имеется несколько аксиом, имеющих отношение к высказанной мысли Балашова, что тайные стратегии, выстроенные на лжи, рано или поздно сметаются историей. Первое — «сатана» есть само «небытие». Второе — инструментом действия «сатаны» есть «ложь». «Сила зла во лжи» [8]. Ложь воюет против самой Истории и

рано или поздно Историей и опрокидывается, — вот смысл аксиоматики «Апокрифа».

Вся история «Святой Руси» и будущей России по Балашову служит подтверждением этого Гумилевского положения.

8

Против сил зла, использующего ложь как свое оружие, преградой становится Память и Правда Истории. Неслучайно силы зла в лице глобального империализма США воюют против исторической памяти не только русского народа, а всех славянских народов — украинского, белорусского, сербского и др.

Уже на наших глазах уничтожается Правда о Великой Отечественной войне и великой Победе в этой войне.

В Республике Беларусь создана книга, которая так и называется «Память», вернее, не книга, а целая библиотека под этим названием. Во всех 117 районах Белоруссии изданы Книги памяти. Главный раздел — период 1941—1945 годов. Это книги о героической борьбе партизан, мирного населения против немецко-фашистских захватчиков, о роли подпольных комитетов коммунистической партии. В них указаны фамилии всех белорусов, кто погиб или пропал без вести в годы войны, кто участвовал в Отечественной войне или в войне в Афганистане. В Книгах памяти представлены научные, политические, военные деятели, творческая интеллигенция, заслуженные люди самых разных профессий, своими делами создавшие славу и могущество Белоруссии. Такая Книга памяти имеется в каждой деревне, в каждом населенном пункте, в каждой школе. В ней каждый школьник найдет фамилии своих родственников и убедится в корнях своего героического прошлого.

Вот он — пример действенного исторического воспитания народа, которое осуществляется под деятельным руководством президента Республики Беларусь Александра Григорьевича Лукашенко.

Россия нуждается в таком историческом воспитании. Восстановление исторической памяти и достоинства за героическое прошлое русского народа — руководящей и скрепляющей силы в годы Великой Отечественной войны по оценке И. В. Сталина, основы российского суперэтнуса по определению Л. Н. Гумилева — становится, может быть, самой главной задачей для патриотической интеллигенции и в целом патриотических сил России.

Гибель русского народа будет означать не только гибель России и всех народов, на ее территории проживающих, но и начало гибели всего человечества. Потому что Россия как огромная евразийская общинная цивилизация предстает центром равновесия мира, сосредоточием токов напряжения истории, центром своеобразного «маятника» или «часов» Истории, а русский народ — носителем этой огромной исторической ноши — держать равновесие человеческого мира.

К сожалению, именно историческое воспитание в России находится под прессом либеральных «реформ», его уничтожающих. В этом контексте творчество Д. М. Балашова, восстанавливающее важные страницы «книги исторической памяти» русского народа, выполняет роль стратегии, противостоящей стратегии этих «псевдореформ», выполняет роль «русской книги памяти», которая, как в Белоруссии, должна быть в каждом городе, селе и школе. Ведь социальные деструкционные процессы, в виде наркомании, алкоголизации, совершаемого насилия, захлестнувшие детей и молодежь, население России, одним из своих источников имеют этот процесс целенаправленного разрушения исторической памяти русского народа.

9

В своем небольшом рассказе «Ведьма» (роман «Юрий») Дмитрий Михайлович Балашов погрузил себя в фантазмагорическое пространство, в котором он из современного «далека» ведет диалог с немцем-просветителем, жившем в XVII веке, — неким Рихардом фон Эккертом. Рихард фон Эккерт, показав своему собеседнику-русичу, что Россия за прошедшие 200 лет не раз спасала Германию и Европу, не думая о своих выгодах, восклицает: *«Будьте самими собой. Оставайтесь людьми. Хоть бы вы там, на Востоке, — станьте людьми...»* (с. 308, выдел. мною. — А. С.).

Чтобы человечество сохранилось для будущей истории, необходимо, чтобы сохранилась Россия, а чтобы она сохранилась, — нужно, чтобы русские люди оставались сами собой, т. е. не занимались подражанием Западу, чтобы Россия развивалась по своим законам — законам евразийской, соборной цивилизации, «...волю надобно защищать соборно, всема» — говорит воевода Анфал своим друзьям в романе «Воля и власть» (с. 25). К этому добавим знаменитый императив Достоевского: «Россия сама спасется и спасет весь мир».

10

Дмитрий Михайлович Балашов остается навсегда как писатель национального масштаба, «исторический воспитатель» русского народа и общего дела исторического воспитания, собирания «русского народа», которому он, как и В. М. Шукшин, посвятил свою жизнь, только начинает обретать истинные свои масштабы именно в XXI веке.

Россия стоит перед российским Ренессансом XXI века, который я называю ноосферным. Россия от-

крыла миру в XX веке путь к новым основаниям бытия — социалистическим. В начале XXI века, на фоне уже происшедшей первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы, опираясь на учение Русского космизма, учение о ноосфере В. И. Вернадского, учение об этногенезе и этносфере Л. Н. Гумилева, опыт социалистического советского строительства в XX веке, *Россия может и должна сделать новый прорыв к новым основам бытия — социоприродной гармонии, к Ноосферизму, или Ноосферному, духовному Социализму, в котором примат духовных потребностей над материальными и к которому взывает трепетная мысль Балашова, становится ведущим принципом.*

Федор Михайлович Достоевский так писал о значении Пушкина для русского народа: «...величие Пушкина... состояло именно в том, что он...нашел твердую дорогу, нашел великий и вождельный исход для нас, русских, и указал на него. Этот исход был — народность, преклонение перед правдой народа русского. Не понимать русскому Пушкина значит не иметь права называться русским» [9].

Народность пропитывает историческую литературу Дмитрия Михайловича Балашова. Он пошел по той «твердой дороге» (по мысли Достоевского), которую указал русской литературе Пушкин. Сам Пушкин уже стал великим «историческим воспитателем» русского народа. Дмитрий Михайлович Балашов есть достойный наследник этой великой традиции, этого «вождельного исхода». Придет время, когда скажут: не понимать русскому Балашова значит не иметь права называться русским. Такое время обязательно придет!

ЛИТЕРАТУРА

1. Балашов Д. М. Воля и власть // Роман-газета. — М., 2000. — № 5. — С. 1.
2. Балашов Д. М. Воля и власть // Роман-газета. — М., 2000. — № 5. — С. 2, 3.
3. Балашов Д. М. Ветер времени // Роман-газета. — М., 1990. — № 1, 2.
4. Балашов Д. М. Святая Русь // Роман-газета. — М., 1992. — № 4—5. — С. 1.
5. Балашов Д. М. Святая Русь // Роман-газета. — М., 1992. — № 4—5. — С. 2.
6. Там же. — С. 73.
7. Балашов Д., Бондаренко В. Единение. Диалог на тему истории // Завтра. — 2000. — № 33. — С. 5.
8. Гумилев Л. Н. Этносфера. История людей и история природы. — М., 1993. — С. 480.
9. «России сердце не забудет». — СПб, 1999. — С. 9.
10. Харрис Ренат. Присядь к очагу моему. Стихотворения и поэмы. — М., 1985. — С. 108, 109.